
IX. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Т.И. Вендина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Abstract:

Vendina T.I. *Russian dialects in the modern ethno-linguistic and ethno-cultural situation*

The article is devoted to the problem of Russian dialects steadiness during the process of social integration. With the help of the materials from the “Lexical atlas of the Russian vernaculars” the author proves that the reasons for this structural steadiness lie in the system of dialectical language itself as well as in the mechanism of its acquisition.

Ключевые слова: русские диалекты, Лексический атлас русских народных говоров.

В современной литературе по диалектологии уже традиционной стала констатация факта, что «диалекты находятся на пороге исчезновения».

Причины этого процесса видят, с одной стороны, в экстралингвистических факторах (в разрушении социальной инфраструктуры общества, в его социально-демографических изменениях, в урбанизации сельского населения, что нередко приводит к исчезновению населенных пунктов, в языковой политике государства и т.д.), а с другой – собственно в лингвистических, в частности, в размывании языковой системы диалектов волнами литературного языка.

В российском языкознании постулат о быстром отмирании диалектов при социализме получил особенно широкое развитие в связи с тем, что в стране долгое время господствовала социальная теория развития этнического языка, в соответствии с которой диалекты должны будут исчезнуть в условиях бесклассового общества. В основе этой теории лежал тезис об отмирании элементов «старого качества» (носителем которых было «отсталое крестьянство», которое в силу своей «мелкобуржуазной сущности» тормозило движение общества вперед) и развитии элементов «нового качества». Позднее этот тезис получил теоретическое обоснование в известной сталинской статье «Марксизм и вопросы языкознания», где заявлялось, что диалекты, представляющие собой отклонения от общенародного национального языка, «лишенные как-либо языковой самостоятельности, обречены на прозябание». Эпоха строительства социализма породила своеобразный социальный заказ, связанный с дискредитацией старых народных традиций, народной культуры и соответственно диалектов¹. Поэтому интерес к изучению народного языка расценивался как реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс» (Предисловие к «Толковому словарю живого великорусского языка» Даля. М., 1935. Т. I. С.14).

В настоящее время социолингвистика так определяет взаимоотношения между диалектами и литературным языком:

1) социальная база литературного языка расширяется, а социальная база диалекта становится все более ограниченной;

2) литературный язык полифункционален, и по мере своего развития он увеличивает и усложняет систему своих коммуникативных функций, тогда как круг функций диалектов, напротив, сужается, ограничиваясь бытовыми сферами общения;

3) в литературном языке возрастает нормативность и последовательно устраняется вариативность языковых средств, в то время как диалектная норма подвергается расшатыванию (и прежде всего из-за влияния на нее литературного языка), вследствие чего возрастает функционально не обусловленная вариативность языковых средств и способов выражения (подробнее см.: Михальченко, Крючкова 2002: 127).

Однако для того, чтобы понять сущность этого процесса, необходимо выяснить условия его протекания. Тезис же об отмирании диалектов принимается а priori, а как действительно происходит процесс воздействия литературного языка на диалекты не известно. Именно на фактическую неизученность этой проблемы

еще в 40-е годы было обращено внимание Н.П. Гринковой (Гринкова 1947: 177), которая отмечала, что указание на воздействие литературного языка на диалекты «в большинстве исследований выглядит скорее как отписка по поводу материала, не подлежащего изучению, а процесс воздействия литературного языка не изучается, и как он происходит – не известно». Вместе с тем, как показала история, эти лингвистические прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в русских диалектах, а потому они нуждаются в серьезной корректировке.

Об этом красноречиво свидетельствует развернувшаяся в настоящее время работа над «Лексическим атласом русских народных говоров».

В настоящее время подготовлен к печати первый том Атласа «Растительный мир». Карты, входящие в этот том Атласа, имеют своей целью локализовать в пространстве вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы русских диалектов, связанного с представлениями диалектоносителей об окружающей их природе.

В томе содержится более двухсот карт, которые представляют лексику разных тематических групп:

1) названия лесных массивов, в том числе и общее название леса (ср., например, карты 'лес', 'большой лесной массив', 'небольшой лесок, роща', 'высокий лес', 'мелкий лес, мелколесье', 'густой лес', 'редкий лес', 'чаща', 'больной лес', 'здоровый высокий прямой строевой лес', 'тонкий высокий лес', 'вырубленный лес', 'поваленный бурей лес', 'мертвый лес с засохшими на корню деревьями', 'молодой лес из деревьев разных пород', 'горельный лес', 'лес, растущий на болоте', 'лес, растущий по берегам рек, озер', 'лиственный лес', 'хвойный лес', 'смешанный лес' и др.); сюда входят и названия некоторых лесных локусов (ср. карты 'поляна', 'опушка леса', 'просека, участок вырубленного леса', 'выгоревшее место в лесу', 'грибное место', 'луг богатый травами', 'ягодное место' и др.);

2) названия деревьев (ср. карты 'большое растущее дерево', 'маленькое растущее дерево', 'верхушка дерева', 'ветвь дерева', 'листва', 'почка', 'сережки на дереве', 'ветвистое дерево', 'развилочное дерево', 'гнилое дерево', 'дерево, вырванное с корнем', 'дерево с дуплом', 'кривое дерево', 'верхний слой древесины дерева', 'сломанное бурей дерево', 'сухое упавшее дерево' и др.), в том числе отдельных их видов (ср. карты 'береза', 'верба', 'осина', 'рябина', 'ель', 'сосна', 'черемуха'), сюда входят и названия 'березового сока', 'смолы', а также 'коры деревьев' (см. семанти-

ческую карту бересто, 'кора ивы', 'кора, используемая при дублении', 'шишковатый нарост на дереве' и др.);

3) названия кустарников (ср. карты 'густые заросли кустарника', 'мелкий низкорослый кустарник', 'орешник', 'шиповник' и др.);

4) названия трав (ср. карты 'болотная трава', 'сорная трава', 'колючая трава', 'душица', 'зверобой', 'крапива', 'молочай', 'подорожник', 'полынь', 'щавель' и др.);

5) названия ягод (ср. карты 'брусника', 'голубика', 'ежевика', 'малина', 'черника', 'земляника', 'клюква', 'клюква, перезимовавшая под снегом', 'комоника', 'морошка', 'зрелая ягода', 'незрелая зеленая ягода' и др.);

6) названия цветов (ср. карты 'василек', 'девысил', 'ромашка', 'клевер', 'ландыш', 'колокольчик', 'одуванчик', 'репейник' и др.);

7) названия грибов, в этот блок карт входят и названия кушаний из грибов (ср. карты 'гриб' (о.н.), 'белый гриб', 'валуй', 'лисичка', 'масленок', 'мухомор', 'опенок', 'несъедобный гриб', 'поганка', 'подберезовик', 'подосиновик', 'рыжик', 'свинушка', 'съедобный гриб', 'сыроежка', 'шампиньон', 'грибной нарост на дереве', 'грибная похлебка' и др.).

Лингвогеографическое представление диалектной лексики позволило реально увидеть всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность его лингвистического ландшафта. При этом обнаружилось, что на картах этого тома Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий, связанный с лексической дробностью русского диалектного континуума. Этот факт говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения (см., например, ситуацию на картах Л 11 'густой лес' или Л 13 'чаша'). Не случайно многие карты этого тома потребовали создания карт-дублей, позволяющих более четко представить ареалы картографируемых лексем.

О ЧЕМ ЖЕ ГОВОРЯТ КАРТЫ АТЛАСА?

Они говорят прежде всего о том, что **русские диалекты** **потеряли своего лексического своеобразия**, несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий. Это особенно ярко проявляется в наличии в диалектах слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту 'хвойный лес': *игольник, хвойник, хвойняк, чернолесье, ярёжник*; карту 'ред-

кий лес': *редашка, редина, редняк, редник, поред, поредье, проредка, редколесье, редколесок, редколесица*; карту 'густые заросли кустарника': *бачажник, густарник, зарастель, густарицина, палежник, чапарыжник, настельник*; карту 'лес по берегу реки': *береговик, береговина, бережина, бережник, наберега, займище, левада*; карту 'лес, растущий на болоте': *болотник, болотняк, мокрытник, омшара, топляк, топняк, согра, сохра, шохра* и др.).

Следует отметить также обилие нового материала, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта Атласа выявляет новые диалектизмы, которых нет даже в таком солидном издании, как «Словарь русских народных говоров» (СРНГ): ср., например, такие лексемы, как *голощека, прогал, прогалина* на карте 'поляна'; *берества, берество*, широко представленные на карте 'кора березы' и др.

На лексико-словообразовательных и семантических картах Атласа у ряда картографируемых слов выявились и новые значения, которые в СРНГ не фиксируются: так, например, на карте 'молодой лес' представлены лексемы *дубрава* и *молочник*, которые в этом значении СРНГ не отмечены; на карте 'лес по берегу реки' представлены лексемы *прибрежник, наберега, бережняк, бережник, береговина*, которые в этом значении в СРНГ отсутствуют.

И этот свежий диалектный материал является главным итогом настоящего лингвистического проекта. Следует особо отметить тот факт, что многие из этих диалектизмов были зафиксированы впервые, ибо их нет даже в таких солидных изданиях, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Несмотря на то, что после выхода в свет этого словаря прошло более ста пятидесяти лет, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия.

Любая карта Атласа, в отличие от диалектного словаря, является собой лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека (см., например, карты 'густой лес' или 'мертвый лес с засохшими на корню деревьями', которые отличает обилие лексем и мотивационных признаков).

В этом отношении чрезвычайно показательными являются карты, посвященные названиям грибов, см., например, карту ‘дождевой гриб’, которая ярко иллюстрирует креативность языкового сознания диалектоносителей: *баня, банька, бздюх, бздюха, бздушка, дождевик, дождёвик, поддождёвик, дымарь, дымовик, дымовуха, дымовушка, дымка, дымок, печки, порхавка, порхалка, пороховик, пороховник, пороховица, пороховница, пуховка, пуховик, пылевик, пыльник, пыхалка, табак, табачник, хлопущика, вороньи яйца, дождёвые яйца, Ванька-бздун, Васька – топись печка, заячья картошка, мышинная баня, волчий табак, медвежий табак, дедушкин (дедов) табак, цыганский табак* и др.

Материалы карт первого тома Атласа свидетельствуют о неравномерной диалектной расчлененности русских диалектов, поскольку на разных картах степень их лексической и словообразовательной дифференциации не одинакова: на одних картах она чрезвычайно дробная (в связи с чем для достижения наибольшей наглядности было необходимо составление карт-дублей, см., например, карту ‘поляна’, которая имеет шесть таких карт-дублей), на других – более ровная, характеризующаяся, например, двумя-тремя ареалами, а иногда даже монотонная (см., например, карту ‘осина’, где наряду с общерусской лексемой *осина* существуют небольшие островные ареалы лексем *осика, дрожнина, дрожница, трепетуха, трясына, трясына, трепетуха* и др.).

Однако большинство карт Атласа демонстрирует высокую степень диалектной дифференциации. И эта расчлененность, подчас мозаичность и пестрота русского диалектного ландшафта, наличие многочисленных островных ареалов требуют своего осмысления не только в лингвогеографическом, но и глоттогенетическом аспекте.

Предварительный лингвогеографический анализ материалов карт, входящих в первый том Атласа, позволил выявить некоторые ареалы лексических диалектизмов, образующих противопоставленные лексические различия: так, в частности, материал карты ‘густой лес’ говорит о том, что лексема *займище* характерна в основном для южнорусских говоров, тогда как лексема *сузём* – для севернорусских; или на карте ‘трава, растущая на болоте’ отчетливо видно, что в южнорусских говорах преобладает номинация *болотница*, а в говорах северо-западного региона – лексема *болотина*; четко локализованные ареалы просматриваются и на карте ‘мухомор’: лексема *мухоморка* распространена в основном в западной группе среднерусских говоров (Псковская и западные районы Тверской области), лексема *мухарник* – в восточной груп-

пе (обширная территория к северо-востоку от Москвы), лексемы *мышак*, *мышьяк* – в приволжских районах Ивановской и Костромской областей; лексема *рябчик* – в южнорусских орловских говорах).

Анализ материалов карт «Лексического атласа русских народных говоров» свидетельствуют о консервативности диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Эта сопротивляемость диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствовала консервации отдельных узколокальных лексем, что привело к появлению эксклюзивов, характерных для диалектов севернорусского или южнорусского наречия.

Так, в частности для диалектов **севернорусского наречия** характерны такие лексемы, как: *крушина* в значении ‘береза’ (карта ‘береза’), лексемы *пинда* и *мянда* в значении ‘верхний слой древесины’, которые имеют прибалтийско-финское происхождение (карта ‘верхний слой древесины, расположенный непосредственно под корой’), *лесина* в значении ‘большое растущее дерево’ (карта ‘большое растущее дерево’), *шипница* в значении ‘шиповник’ (70 ‘шиповник’), *скала*, *скалина*, *скальё* в значении ‘кора березы’ (карта ‘кора березы’), лексема *веретье* в значении ‘поляна’ (карта ‘поляна, открытое место в лесу’), *ежевица* в значении ‘ежевика’ (карта ‘ежевика’), *подснежница* в значении ‘клюква, перезимовавшая под снегом’ (карта ‘клюква, перезимовавшая под снегом’), *зубина* в значении ‘гриб’ (карта ‘гриб’ (о.н.)), *обабок* в значении ‘трубчатый гриб’ (карта СМ обабок), *маслак*, *масляк* в значении ‘масленок’ (карта ‘масленок’), *кужлявое* и *кужлеватое* в значении ‘дерево с большими боковыми ветвями’ (карта ‘дерево с большими боковыми ветвями’ (какое?)), лексемы *подберезоватик* и *болотник* в значении ‘подберезовик’ (карта ‘подберезовик’), лексема *подосиноватик* в значении ‘подосиновик’ (карта ‘подосиновик’), лексемы *зуба*, *чамга*, *чамка* в значении ‘грибной нарост на стволе дерева’ (карта ‘грибной нарост на стволе дерева’) и т.д.

Если эксклюзивы севернорусского наречия – вполне ожидаемый феномен русского диалектного ландшафта (ср. устоявшееся мнение, что именно Русский Север сохраняет диалектизмы в их нетронутый языковой чистоте), то эксклюзивы южнорусского наречия, их состав, а главное – количество являются для читателя скорее неожиданностью.

Так, в частности, диалекты **южнорусского наречия** характеризуют такие лексемы, как: *трухляк* в значении ‘гнилое дерево’ (карта ‘гнилое дерево’), *дубрава* в значении ‘небольшой лесной массив, роща’ (карта СМ дубрава), лексемы *хвойник* и *ярежник* в значении ‘хвойный лес’ (карта ‘хвойный лес’), лексемы *олех*, *олѣх* в значении ‘болотистое место, поросшее ольхой’ и ‘лес, растущий по болоту’ (карта СМ олех), лексема *осика* в значении ‘осина’ (карта ‘осина’), лексема *клевеника* в значении ‘березовый сок’ (карта ‘березовый сок’), лексемы *клей* и *подсочка* в значении ‘смола хвойных деревьев’ (карта ‘смола хвойных деревьев’), лексемы *ягода*, *пазобник*, *пазобника* в значении ‘земляника’ (карта ‘земляника’), лексема *веснушка* в значении ‘клюква, перезимовавшая под снегом’ (карта ‘клюква, перезимовавшая под снегом’), лексемы *зелье*, *зельѣ* в значении ‘сорная трава’ (карта ‘сорная трава’), лексемы *ландух*, *ландуш* в значении ‘ландыш’ (карта ‘ландыш’), лексемы *дождѣвка* и *пышка* в значении ‘дождевой гриб’ (карта ‘дождевой гриб’), лексемы *подберезовка* и *приберезовик* в значении ‘подберезовик’ (карта ‘подберезовик’), лексемы *ветлистое* и *ветливое* в значении ‘дерево с большими боковыми ветвями’ (карта ‘дерево с большими боковыми ветвями’ (какое?)), лексемы *круговина*, *кулига*, *кулижка* в значении ‘поляна’ (карта ‘поляна, открытое место в лесу’), лексема *жевина* в значении ‘ежевика’ (карта ‘ежевика’) и т.д.

И даже **среднерусские говоры** имеют такие отличительно характеризующие их лексемы, которые противопоставляют их говорам севернорусского и южнорусского наречий, например, в западной группе среднерусских говоров распространены лексемы *печура*, *печурка* в значении ‘белый гриб’, а в восточной – лексема *желтяк* (карта ‘белый гриб’), в западной группе среднерусских говоров отмечены лексемы *козляк*, *козьяк* в значении ‘масленок’, а в восточной – лексемы *сосновик*, *подсосновик*, *сосенок*, *подсосник* (карта ‘масленок’); для западной группы среднерусских говоров характерна и лексема *стрекава* в значении ‘крапива’ (карта ‘крапива’); в среднерусских говорах получили распространение и лексемы *палестина*, *палестинка* в значении ‘поляна’ (карта ‘поляна, открытое место в лесу’) и др.

Нередко эксклюзивные лексемы представлены в диалектах лишь одной какой-либо группы, например:

костромская группа говоров севернорусского наречия выделяется такими лексемами, как: *нива* в значении ‘небольшой лесок, роща’ (карта ‘небольшой лесок, роща’), *сеча* в значении ‘вырубленный лес’ (карта ‘вырубленный лес’), *грива* в значении ‘по-

ляна' (карта 'поляна, открытое место в лесу'), *выдра, выдря* и *выкорча* в значении 'дерево, вырванное с корнем' (карта 'дерево, вырванное с корнем'), *бабур* и *бабура* в значении 'съедобный гриб' (карта 'съедобный гриб') и др.;

псковская группа среднерусских говоров характеризуется такими лексемами, как *чистина* в значении 'поляна' (карта 'поляна, открытое место в лесу'), *блицы, блички, блички, блицына, блицынка* в значении 'гриб' (карта 'гриб' о.н.), *блица* в значении 'съедобный гриб' (карта 'съедобный гриб'), *блицы* в значении 'грибное место' (карта 'грибное место'), лексема *бересто* в значении 'лыко' (карта СМ бересто), лексема *весёлка* в значении 'береза' (карта 'береза'); *мухоморка* в значении 'мухомор' (карта 'мухомор') и т.д.;

владимирско-поволжскую группу среднерусских говоров отличают такие лексемы как: *бруснига, брушница* в значении 'брусника' (карта 'брусника'), *ежевица* в значении 'ежевика' (карта 'ежевика'), *земляника* в значении 'земляника' (карта 'земляника'), *черника* в значении 'черника' (карта 'черника'), лексемы *красновик* и *челыш* в значении 'подосиновик' (карта 'подосиновик'), лексема *разнолесок* в значении 'смешанный лес' (карта 'смешанный лес') и др.;

для западной группы среднерусских говоров характерна лексема *веснянка* в значении 'клюква, перезимовавшая под снегом' (карта 'клюква, перезимовавшая под снегом'), лексема *вихрелом* в значении 'поваленный бурей лес' (карта 'поваленный бурей лес'), лексема *горькуха* в значении 'одуванчик' (карта 'одуванчик') и др.;

для курско-орловской группы говоров южнорусского наречия характерны лексемы *западок* в значении 'дупло' (карта 'дупло'), *комоника* в значении 'брусника' (карта СМ комоника), *снытка* в значении 'щавель' (карта 'щавель'), *рябчик* в значении 'мухомор' (карта 'мухомор') и т.д.

восточную (рязанскую) группу южнорусских говоров выделяет лексема *зеленука* в значении 'незрелая ягода' (карта 'незрелая ягода');

в донских говорах отмечены лексемы *свербука, свербучка* в значении 'крапива' (карта 'крапива'); лексема *разлатое* в значении 'дерево с большими боковыми ветвями' (карта 'дерево с большими боковыми ветвями' (какое?)), лексемы *ожина, ежина* в значении 'ежевика' (карта 'ежевика'), лексемы *полуника, полуница* в значении 'земляника' (карта 'земляника'), в этих говорах лексема *дубрава* имеет значение 'молодой лес' (карта 2 СМ дубрава) и др.

Даже эти немногочисленные иллюстрации являются свидетельством не только сопротивляемости диалектов, но и их динамики. Эти примеры говорят о том, что в процессе саморазвития диалектов возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов.

Такая диалектная картина, вырисовывающаяся на картах Атласа, заставляет задуматься над причинами устойчивости диалектизмов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских диалектах.

Ответ, по-видимому, следует искать в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира, поскольку восприятие и осмысление человеком мира является производным от его культурно-исторического бытия.

Так, в частности, анализ русской диалектной языковой модели мира (подробнее см. Вендина 1998) показал, что в отличие от литературного языка она имеет иную номинативную логику и соответственно отражает иную классификацию человеческого опыта, так как ее когнитивная сетка, «набрасываемая» на окружающий мир, оказывается более густой. Необходимость понятийного расчленения того или иного семантического пространства диалектной картины мира продиктована самой логикой организации традиционной духовной культуры. Лексическая детализация ее языка связана с реальной практической потребностью диалектоносителей (так, например, для носителя литературного языка неважно, какие последствия для сельского хозяйства повлечет за собой дождь, а для крестьянина – важно, отсюда лексемы *сеногной* ‘мелкий продолжительный дождь во время сенокоса’ Тобол., Тюмен., Курган., Том., Кемер., Иркут., Хабар., Свердл., Перм., Яросл., Арх., Карел., Олон., СРНГ 37: 170; или *огуречник, огуречничек* ‘теплый грибной дождь в конце июня’ Орл., СРНГ 22: 365). Как видно из приведенных примеров, эти диалектные лексемы не имеют в литературном языке однословных соответствий, а передаются описательными конструкциями, т.е. номинативные принципы освоения этой семантической сферы литературного языка здесь просто не работают². Поэтому диалектная категоризация мира отличается от литературной, т.е. диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир³. В них ярко выражена зависимость от внешних условий бытия, близость к натуральному хозяйству, исконным занятиям крестьянина, парцеллирование объектов познания, антропоцентризм и субъективизм. При этом «сознание не просто дублирует с помо-

цью знаковых средств отражаемую реальность, а *выделяет* в ней *значимые* для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности» (Петренко 1988: 12), т.е. объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности. Поэтому это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, в котором семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет для крестьянина практическую ценность в повседневной жизни, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире.

Кроме того, диалектная картина мира отличается от литературной «своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией... Поэтому диалектоноситель иначе “ословливает” окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта, развивая и обогащая их» (Радченко 2004: 25). Не случайно известный немецкий диалектолог Ф. Штро, говоря о соотношении диалекта и литературного языка, отмечал: «Диалект рисует в красках то, что литературный язык представляет лишь в общих очертаниях» (Stroh 1931: 247). Это своеобразие диалектной номинативной логики лексической параметризации окружающего мира делает их устойчивыми к внешним влияниям, позволяет «без перерождения выдерживать напор этих влияний» (Потебня 1905: 175) и противостоять интеграционным процессам, ср. в связи с этим точку зрения Л.Э. Калнынь, которая, исследуя этот процесс на фонетическом материале, пришла к сходным выводам: «Разного вида контакты, в которые вступают русские диалекты с литературным языком, не приводят к устранению диалекта ни путем его замены стандартной формой, ни путем его включения в диалектно-литературное двуязычие... Диалекты, существующие в условиях территориальной и временной преемственности, вопреки официальной языковой политике демонстрируют структурную устойчивость (консерватизм), естественно присущую живому языку. Это заставляет с сомнением относиться к тезису, согласно которому русские диалекты в современной языковой ситуации якобы занимают периферийное место, отведенное языковым реликтам» (Калнынь 1997: 119, 123).

Другая причина такой диалектной устойчивости связана с существованием общих культурных традиций, которые способствуют сохранению целостности ареала. «Целостность ареала задается не однородностью этнического состава, не прочностью экономических связей, не политическим устройством, не одинаковостью истории, не всеобщностью языка, а той общностью, которую мы разумеем под расплывчатым понятием «культура» и которую прекрасно ощущают представители одного народа, одной нации как высшее единство» (Степанова 1978: 45).

Более того, структурная организация системы диалектов также препятствует их нивелировке. В коммуникативной функции языка диалектов скрыты две противоположные силы – объединяющая и разъединяющая языковые общности (говорящих). Первая заключается в том, что представители разных географических районов, социальных и возрастных слоев, профессиональных и других группировок достигают при общении в пределах одной языковой территории взаимного понимания. В этом случае можно говорить о монофункциональном характере народного языка, вытекающем из единства и относительной устойчивости его внутренней структуры. Вторая выявляется при неизбежной «вертикальной» и «горизонтальной» стратификации общества, когда внутри создающихся микроколлективов формируется определенный речевой вариант общенародного языка.

Материалы Атласа реально доказывают, что жизнь диалектного слова во многом определяется состоянием и механизмами эволюции словарного состава диалектов. Они говорят о том, что состояние лексико-семантической системы русских диалектов представляет собой динамическую устойчивость.

Сочетание в лексической системе диалекта двух противоположных тенденций – динамики и консерватизма – является следствием общего механизма эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Высокая лексическая вариативность, наблюдающаяся практически на каждой карте Атласа, свидетельствует о динамике лексической системы русских диалектов. Несмотря на существование различных конструктивных и деструктивных факторов, влияющих на языковую систему диалектов (контакты с другими иноязычными системами, с литературным языком, иноязычное давление, исчезновение населенных пунктов, физическое уничтожение носителей диалекта и т.д.), систему диалектной лексики отличает большой запас прочности, стабильности.

Не могу в связи с этим не привести мнение исследовательницы Г.М. Курбангалеевой, много и успешно занимающейся русскими диалектами в иноязычном окружении, в частности, на территории Башкирии. Говоря о динамике их системы, отмечая наличие деструктивных факторов, автор пишет о том, что «с одной стороны, наблюдается стремление к постоянному обновлению, словотворчеству, достижению максимальной точности и наибольшей выразительности, а с другой – стремление к сохранению старого, консерватизм (не случайно в диалектах сохраняется так много архаичной лексики, своими корнями уходящей не только к древнерусскому периоду, но и праславянскому)». Поэтому «процесс утраты устаревших слов идет гораздо менее интенсивно, чем в литературном языке: выходят в пассивный запас прежде всего слова и выражения, потерявшие свою материальную основу..., связанные со старым укладом жизни, старыми орудиями труда и материального производства, при этом некоторая часть подобной лексики сохраняется и подвергается переосмыслению. Действие и противодействие обеих этих тенденций придают диалектной лексике, как и системе диалекта вообще, структурную устойчивость». Несмотря на проникновение новых элементов из литературного языка или из других диалектных систем и языков, диалектная система не утрачивает своей устойчивости, поскольку «новые для системы элементы в течение длительного времени сосуществуют со старыми, исконными для старой системы, порождая ее повышенную вариативность. И эта возможность длительного сосуществования старых и новых вариантов – одна из важнейших особенностей диалектных лексических систем» (Курбангалеева: 2008, 85–86)⁴.

Структурная устойчивость диалектов поддерживается не только системой языка, но и механизмами его усвоения. Как показали исследования, навыки владения диалектной речью подсознательно сохраняются у представителей среднего поколения даже тогда, когда они становятся активными пользователями литературного языка. В старости эти навыки снова актуализируются, и среднее поколение вновь возвращается в лоно своего диалектного языка, ср. в связи с этим следующее замечание Л.Э. Калнынь: «Отражение того, насколько традиционная лексика глубоко сохраняется в подсознании носителей диалекта, можно видеть в таком явлении, как реставрация диалектных слов в речи носителей диалекта преклонного возраста, ранее освоивших литературный язык, возвращение, казалось бы, утраченных в речевой практике индивидуальных слов» (Калнынь 2007: 293, Коготкова 1970).

Континуальность диалектов, наличие междиалектных контактов – все это факторы, которые препятствуют их исчезновению. И поскольку «в самом языке нельзя найти возможности прекращения его существования» (Соссюр 1990: 17), можно надеяться, что пока будет жива традиционная духовная культура, до тех пор будут существовать и диалекты.

Понятно, что в этом контексте особое значение приобретает развитие диалектологии. Существующая до сих пор инерция негативного отношения к изучению диалектов (особенно в педагогических вузах, следствием чего является сворачивание курса диалектологии, отмена диалектологической практики) должна быть преодолена как мешающая поступательному движению вперед.

Поэтому сегодня следует возродить интерес к изучению диалектов, повысить их ценность как памятника культуры и истории, ибо «только так, – по мысли А.А. Шахматова, – мы сможем привить любовь к своему отечеству, уважение к его прошлому, а также веру в его будущее» (Хрестоматия 1982: 89).

В этом отношении материалы «Лексического атласа русских народных говоров» имеют непреходящую языковую и культурную ценность.

ЛИТЕРАТУРА

- Вендина 1998 – *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
- Гринкова 1947 – *Гринкова Н.П.* Воронежские диалекты. М., 1947.
- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978–1980.
- Иванов, Якубинский 1932 – *Иванов А.М., Якубинский Л.П.* Очерки по языку. М.; Л., 1932.
- Калнынь 1997 – *Калнынь Л.Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // ВЯ. 1997. №3.
- Калнынь 2007 – *Калнынь Л.Э.* Динамика русских диалектов в связи с воздействием на них литературного языка // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007.
- Коготкова 1970 – *Коготкова Т.С.* Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Курбангалеева 2008 – *Курбангалеева Г.М.* Лексика русских говоров Башкирии: основные тенденции формирования и функционирования // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2008.
- Михальченко, Крючкова 2002 – *Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б.* Социоллингвистика в России // ВЯ. 2002. №5.

- Недоступова 2013 – *Недоступова Л.В.* Природа и человек в лексике говора поселка городского типа Таловая Таловского района Воронежской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж, 2013.
- Орлов, Кудряшова 1998 – *Орлов Л.М., Кудряшова Р.И.* Русская диалектология: современные процессы в говорах. Волгоград, 1998.
- Петренко 1988 – *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
- Потебня 1905 – *Потебня А.А.* Язык и народность // А.А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
- Радченко 2004 – *Радченко О.А., Закуткина Н.А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // ВЯ. 2004. №6.
- Сосюр 1990 – *Сосюр Ф.* Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров.* Т. 1. М.–Л., 1965.
- Степанова 1978 – *Степанова Л.Г.* К специфике ареального членения Италии // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978.
- Хрестоматия 1982 – Хрестоматия по методике русского языка. М., 1982.
- Шапошников 1999 – *Шапошников В.Н.* О территориальной и функциональной структуре русского языка в конце XX столетия // ВЯ. 1999. №2.
- Stroh 1931 – *Stroh F.* Sprache und Volk // Hessische Blätter für Volkskunde. Bd. XXX–XXXI. 1931–1932.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср., например, следующий пассаж из “Очерков по языку” А.М. Иванова и Л.П. Якубинского: «Заинтересован ли пролетариат в сохранении крестьянского разноречия? – спрашивали авторы “Очерков” и отвечали: – Нет. Он заинтересован в его ликвидации. То обстоятельство, что русский национальный язык до сих пор не стал еще достоянием всего крестьянства, является одним из препятствий на пути социалистического строительства» (Иванов, Якубинский 1932: 142).

² Ср. в связи с этим пример, который приводит в своей статье В.Н. Шапошников. Говоря о нормализаторской и унифицирующей установке местной прессы (г. Шуя, бывш. Владимирская губ.), автор отмечает и сохранение в ней многочисленных диалектизмов (таких, например, как *лавы* ‘легкий сезонный мост через реку’, *мытпка* ‘род плота для полоскания белья в реке’), которые «являются неотъемлемым элементом письменной и электронной прессы, так как обозначаемые ими реалии являются существенной частью хозяйственного ландшафта, а потому они являются устойчивыми компонентами языкового сознания» (Шапошников 1999: 53).

³ Не случайно крупнейший немецкий диалектолог Й.Л. Вайсгербер дал такое определение диалекту: «Диалект есть языковое освоение родных мест» (Weisgerber 1956: 7).

⁴ Ср. также следующее мнение исследователей, которые пришли к сходному выводу, изучая донские казачьи говоры Волгоградской области: «Особенности внутренней организации диалектных систем препятствуют интенсивному их разрушению. Именно поэтому, несмотря на активное

воздействие литературного языка, современные говоры сохраняют многие архаические черты» (Орлов, Кудряшова 1998: 5); или вывод из диссертационной работы Л.В. Недоступовой, которая, описывая говор поселка городского типа Таловая (14 тыс. жителей) Воронежской области, приходит к выводу о том, что «диалект существует и продолжает развиваться даже при функционировании его в условиях районного центра» (Недоступова 2013: 20).